Епископ Иов (СМАКОУЗ)

СВЯЩЕННИК ИГНАТИЙ ГУДИМА – СТРАДАЛЕЦ ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕРУ И РУССКИЕ ИДЕАЛЫ НА ГАЛИЦКОЙ РУСИ

Предисловие

Галицко-русский ученый Осип (Иосиф) Андреевич Мончаловский (1858-1906) в книге «Святая Русь» (Львов, 1903 г.) замечательно выразил мысль, которую сохранили многие русины: «Нет, честный сын Руси, чи она Галицкая, чи Буковинская, не только не може быти ворогом своей дорогой Матери, Святой Руси, но и повинен всеми законными и благородными средствами поборяти разрушающих национальное и культурное единство русского народа. А для такой борьбы мы имеем непобедимое оружие: истину Христовой веры, проповедуемой Святою Церковью, и ея чудный обряд, с которыми веками сжился русский народ; историю Руси и русскую литературу с богатым русским книжным языком, которое составляют национальное и культурное выражение всего русского народа и результат его тысячелетного труда; разбуждение и вскрепление русского народного самосознания в массах народа при помощи народного языка».

Хотя я родился в Канаде, я вырос в окружении носителей духа сей мысли, и хотя еще перед моим рождением потерялась библиотека моего деда, его ровесники и наши родственники и знакомые мне подарили и передали «старокраевые» книги, то есть книги, которые были изданы в Австро-Венгрии перед Первой мировой войной. Когда я поступил в университет, то искал и находил в разных библиотеках и архивах издания, которые издавались в той же Австро-Венгерской империи. Все сии издания были написаны в святорусском духе и подтвердили ту же мысль, которую так прекрасно высказал О.А. Мончаловский.

В моей библиотеке есть книга В.П. Гладика «Священник Игнатий Гудима - мученик за православную веру и русские идеалы на Галицкой Руси» (издание Просветительского фонда им. прот. Иоанна Наумовича в Америке по благословению Высокопреосвященнейшего Феофила, митрополита всея Америки и Канады. Philadelphia, Pa, 1943), которую владыка Иов дополнил, глубже исследовал и тему открыл в новой редакции. Как и сказано владыкой Иовом, мученик о. Игнатий был,

как и приснопамятный о. Иоанн Наумович, и священномученик Максим Сандович, подвижником на народной ниве, исповедником святой веры и мучеником за святорусские идеалы, пожертвовавшим собой ради духовного и культурного возрождения своего галицкого народа. Пусть сия публикация, как весенняя ласточка, будет предвестницей возрождения святорусских идеалов не только на родине о. Игнатия, многострадальной Галицкой Руси, но и во всем святорусском мире.

Как потомок твердых русинов, владыке Иову сердечно благодарен за его научное внимание, уважение и любовь ко святорусскому миру - миру и твердых русинов, которые сохранили идеалы Святой Руси не только на своей Прикарпатской Руси, но и в далекой Американской и Канадской Руси.

Историк и педагог,
прихожанин и чтец кафедрального собора
Русской Православной Церкви
Св. великомученицы Варвары
в Эдмонтоне (Канада)
Роман Ш.

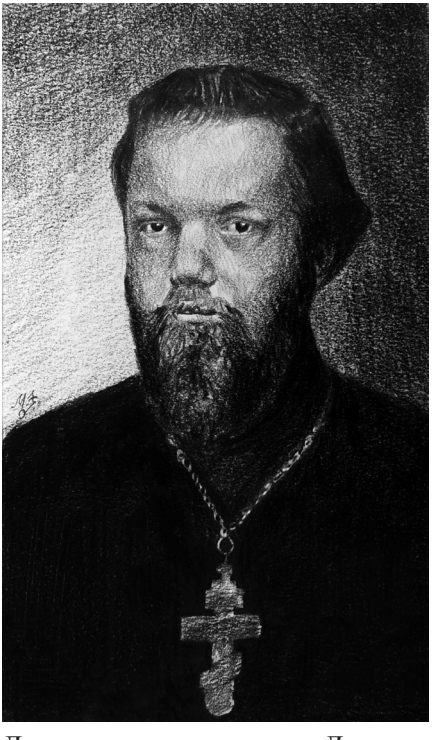
Введение

У человека, который впервые знакомится с историей Православия в Галиции, может возникнуть вопрос: а почему Православие претендует на эту территорию, которая в силу исторических обстоятельств принадлежит греко-католикам – последователям унии с римским папой? Но это не так! Галичина – исконно православная земля! Исторически Православие является родной верой для галичан. Благодаря крещению Киева и всей Русской земли при святом равноапостольном великом русском князе Владимире Православие мирно пришло на Червонную Русь, как называли Галичину в домонгольский период. Уже в XI в. земли Галиции вместе с Волынью входили в состав Владимиро-Волынской епархии Русской Православной Церкви. В XII в. из ее состава была выделена самостоятельная Галицкая епархия. В дальнейшем Галицкая земля, лежавшая на самом краю Киевской Руси, закономерно была наиболее подвержена политическому и культурному влиянию своих западных соседей - Польши и Венгрии. Ватикан попытался прибрать к своим рукам православный народ Прикарпатской Руси, используя такой тонкий инструмент окатоличивания, как уния (католичество восточного обряда). В Галиции в отношении религии последовательно и жестко осуществлялся грубый западнопротестантский принцип: «Чья власть, того и религия» («cuis regio, eius religio»). И все же, несмотря на колоссальные усилия австро-германо-венгерско-польских правительств полностью истребить в Галиции Православие, достичь этого не удалось.

Православие на многострадальной Галицкой Руси выжило в сложном XX в. благодаря таким подвижникам, как отец Игнатий Гудима. Жизненный путь о. Игнатия в Австрийской Галиции не был единственным или необыкновенным, но он выступил из среды своего народа и вышел на поле духовной брани за прадедовское вероисповедание и за родную Святую Русь, неотъемлемой частью которой русины в то время себя считали. Благодаря таким же, как он, исповедникам Православия - добрым пастырям и святителям, которые по заповеди своего Господа отдают душу свою за овец своих, оно живо и будет жить там до Второго Пришествия Христова.

Господи! Молитвами Собора Святых земли Галицкой и всех страдальцев за Святую Русь утверди Веру Православную и православных христиан во веки веков!

Годы учебы и присоединение к Православию



Священник Игнатий Гудима – вторый после священномученика отца иерея Максима Сандовича[1] галицко-русский исповедник истинной Христовой греко-православной веры и верный сын Русской Православной Церкви. Этот мученик за духовные идеалы Святой Руси родился 1 февраля 1882 г. в селе Дитковцы[2] Бродовского уезда (повета) Австро-Венгерской империи в семье сельского псаломщика-дьяка. Окончив немецкую гимназию в Бродах, так как образование на русском языке было запрещено в Австро-Венгрии, молодой гимназист Игнатий Гудима, будучи с детства искренне богобоязненным христианином, избрал для себя трудную стезю священнослужителя. Для осуществления своего желания он поступает в Духовную семинарию во Львове.

Во время каникул студент Гудима принимал активное участие в русско-народных собраниях в читальнях им. Михаила Качковского[3]. В своих беседах он открывал глаза галицких крестьян «Подъяремной

Руси» на насильно навязываемый немецкими и польскими политиками украинский сепаратизм, справедливо называемый многими русинскими[4] деятелями «мазепинством».

С юности восприняв святорусские взгляды и активно их проповедуя, Игнатий, подобно многим галицким твердым русинам, быстро нажил себе ярых врагов среди лидеров украинства, а также и в среде местных австро-польских чиновников. Его гонителями стали украинствующие греко-католические служители во главе с деканом (благочинным) Бродовского округа Анатолием Долинским и законоучителем гимназии в Бродах Софронием Глебовицким. Вследствие злобных обвинений и доносов приказом польского графа униатского митрополита Андрея Шептицкого Гудима после двух лет учебы во Львовской униатской семинарии был исключен из нее без права восстановления и поступления в другое богословское учебное заведение униатской церкви.

Потрудившись некоторое время писарем в краевой кассе в местечке Куликове, расположенном между Львовом и Жолквой, Игнатий решил поехать в Россию. Там он надеялся преподавать немецкий язык и получить православное богословское образование. Получив паспорт для выезда в Россию, он приехал в Киев, где и был принят из унии в Православие.

В Киеве Гудиме посоветовали поехать в Яблочинский Онуфриевский монастырь на Холмщине и поступить в богословскую монастырскую школу. Игнатий принял это предложение и вместо преподавания уроков немецкого языка охотно поехал в Холмский край[5]. В Яблочине с 1909 г. училось несколько галицких и подкарпатских русинов. Среди них был Александр Кабалюк (1877-1947) – будущий «апостол Православия на Закарпатье» в сане архимандрита, преподобноисповедник, причисленный к сонму святых. В Яблочинском монастыре Кабалюк принял 25 марта 1910 г. монашеский постриг с наречением имени в честь Алексия, Божьего человека.

Твердо решив стать священником Русской Православной Церкви, молодой семинарист успешно завершил курс изучения православного вероучения и богослужения, русского церковного напева. Перед завершением курса учебы Гудимы прибыл в Яблочинский монастырь крестьянин Димитрий Чиборак из села Залучье в Снятинском повете (укр. Залуччя, ныне - Ивано-Франковская область), жители которого в 1903 г. возвратились к вере своих предков – в Святое Православие[6]. Он искал священника для своих православных односельчан. Архиепископ Житомирский и Волынский Антоний (Храповицкий), после того как буковинский митрополит Владимир (де Репта) (1902-1918, 1918- 1924) не ответил ему на просьбу назначить православного священника в село Залучье, предложил Игнатию Гудиме после вступления в брак принять посвящение в священный сан и направление на Залучанский приход.

Во время учебы Игнатий познакомился с девицей Александрой Ивановной Лещинской. Ее отец, капитан российского флота, погиб в русско-японской войне, а вскоре умерла и мать. Их дочь-сирота была отправлена на воспитание в приют для девочек при Яблочинском монастыре[7]. Она дала согласие Игнатию на его предложение о вступлении с ним в брак. Получив благословение администрации учебного заведения, жених и невеста отправились в Петербург. Сам владыка Антоний венчал их, затем рукоположил Игнатия в сан диакона и священника. После хиротонии архиепископ Антоний предоставил им право выбора места служения – оставаться в России или ехать на православный приход в Залучье.

Кратковременное исповедническое служение в приходе в селе Залучье

Новорукоположенный священник и его матушка прекрасно знали, что их ожидает в Галиции, что непременно последуют неприятности и гонения со стороны австрийских властей, которые не желали допустить распространения Православия среди русского народа в Галичине. Тем не менее, они выбрали тернистый путь служения Богу и родным людям и по благословению архиепископа Антония уехали в октябре 1911 г. в приход в Залучье, в котором о своем присоединении к Православию письменно заявили около 400 семей в количестве 3 тысяч человек.

Летом 1909 г. представители православных залучан – Михаил Нагорняк, Димитрий Чиборак и Николай Матвейчук - по предложению молодого адвоката Ивана Оробця, выходца из этого села, побывали в Санкт-Петербурге, где собрали пожертвования в размере 7 тысяч рублей на строительство православного храма в своем селе. Все было готово для начала строительства храма. Но в этот момент местный войт *(польск. wójt - староста)* категорически отказался дать православным жителям села разрешение на постройку церкви. Обращение к вышестоящим инстанциям также не дало положительного результата.

Прибыв в Залучье, отец Игнатий зарегистрировался у местных войта и жандармов и даже у снятинского воеводы Левицкого. Сначала он жил у Василия Оробця, отца адвоката. Крестьяне на собранные пожертвования построили для семьи священника дом с домовой часовней, в которой отец Игнатий и начал совершать богослужения.

Проповедь Православия, которой отец Игнатий Гудима активно занялся, вернувшись на родину, не нарушала законы Австро-Венгрии, однако привлекала к нему пристальное внимание австрийских властей. В Залучье за ним постоянно следили жандармы, часто задерживали, суд наказывал арестом и денежными штрафами. Светские и униатские власти стремились террором вынудить о. Игнатия оставить приход в

селе Залучье и выехать в Россию. Однако молодой священник бодро переносил гонения и надеялся, что со временем его оставят в покое.

Тем временем приход отца Игнатия быстро увеличивался. Залучане усердно приходили на воскресные и праздничные богослужения в часовню, внимательно слушали проповеди. В благодарность они по своим скромным сельским возможностям поддерживали священника финансово и продуктами.

Злоба и ненависть гонителей Православия усилились настолько, что снятинское начальство накануне Великого поста 1912 г. опечатало часовню и на ее дверях разместило табличку с надписью «Ящур»: мол, остерегайтесь, в православной часовне острое вирусное заболевание животных! При закрытии часовни комиссар староства вручил хозяину дома Нагорняку предписание о запрете богослужений и любых собраний в его доме. На прошение об отмене этого приказа Михаил Нагорняк не получил ответа, как и на свою жалобу в Министерство правосудия в Вене.

Как выявилось в дальнейшем, во время Львовского судебного процесса, главными противниками Православия в Залучье, прежде всего, постройки в нем православного храма, а затем и авторами диавольского доноса-клеветы на священника были местные арендатор Янкель Шаффер и корчмарь Генрих Кесслер, преследовавшие свои личные материальные выгоды[8].

Арест священников Игнатия Гудимы и Максима Сандовича и суд над ними

В Великий пост, 27 марта 1912 г., в Залучье из села Граб Лемковской Руси прибыл православный священник отец Максим Тимофеевич Сандович[9]. Он имел только одно желание - исповедаться у отца Игнатия. О запечатании часовни он не знал. При этом о. Максим выполнил все требования о регистрации, во время которой заявил залучскому войту, что скоро возвратится обратно в свой приход. Войт донес о прибытии православного священника местным жандармам, а те доложили в староство в Снятине.

Довольно оперативно, уже на следующий день, 28 марта, оба священника были арестованы. В тот день их доставили в Снятин и оттуда перевезли в следственный изолятор во Львове («в тюрьму при краєвім карнім суді во Львові по ул. Баторія»[10]). Как им сообщили, причиной ареста были якобы проведенные ими обмеры моста на реке Черемош около Залучья. Следует отметить, что обвинение довольно-таки абсурдное, так как в то время не было никакой государственной границы по реке Черемош. По Черемошу проходила внутренняя граница между униатской Галицией и православной Буковиной. Подобные обвинения

в шпионаже в пользу России были предъявлены также арестованным студенту юридического факультета Василию Андреевичу Колдре и редактору ежемесячника «Русская матица» Семену (Шимону) Юрьевичу Бендасюку[11]. Журналист Бендасюк был оклеветан как агент Русского военного штаба, который получает из России деньги для оплаты шпионам, а студент Колдра обвинен в том, что в родном селе отца Максима Сандовича Ждыня демонстрировал местным жителям на «волшебном фонаре»[12] световые картины из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»[13].

Священники были помещены в камеру с обыкновенными преступниками, им было отказано в контактах с православными и получении корреспонденции. Только благодаря вере и молитве, исключительной силе воли и мужеству они могли переносить те унижения, которым их подвергали в тюрьме. Проходили дни, недели, месяцы, а процесс все никак не начинался. Все объяснялось надеждой властей на то, что священники отрекутся от своих взглядов. Посланник униатского митрополита Андрея Шептицкого предложил им присоединиться к унии в обмен на свободу, однако встретил решительный отказ.

Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), который был в подлинном смысле этого слова «правозащитником»[14], уделяя проблеме защиты прав единоверных соотечественников огромное значение, в августе 1913 г. опубликовал «Окружное послание» о положении православных Галицкой и Подкарпатской Руси для прочтения на литургиях в честь праздника Преображения Господнего 6 августа (по старому стилю) по всем приходским храмам Волынской епархии. Понимая, что «наша брань не против крови и плоти», не против конкретных людей, а «против духов злобы поднебесных» (Ефесянам 6:12), святитель обратился к своей пастве с призывом к усердной молитве за гонимых страдальцев: «... В недавние еще времена они (карпатороссы) находили себе утешение в том, что толпами приходили молиться в нашу святую Лавру. Здесь, у подножия Пресвятой Богородицы изливали они в слезах свое горе, свое невольное отступление от Христовой Церкви и призывали Ее заступление над своей несчастной страной, порабощенной поляками, немцами и евреями. За последние 10-15 лет они лишены и этого утешения. Им не дают австрийцы переходных свидетельств, а если тайком ночью кто перебежит границу, чтобы выплакать свое горе Матери Божией, то его хватают, бьют, сажают в тюрьму. Народ и на это готов идти, лишь бы помолиться в православной церкви, но в последнее время там, на границе, расставили заставы и задерживают всех богомольцев... Прежде галичане покупали себе в Лавре множество богослужебных книг и по ним молились у себя в хатах, а то и даже в своих униатских церквах; нынче же их штрафуют за всякую купленную в России книжку или даже Почаевскую газету. Смотрите, в какой беде,

в какой неволе живут наши бедные братья! Вспомним о них в нашем духовном довольстве, в нашем богатстве по Божественной благодати, изливающейся над нашей Волынью от Бога, от Матери Божией и от святых Его. Вспомним, что наши прадеды были в такой самой беде под властью католиков-поляков, в какой пребывают теперь наши братья под их же властью в Австро-Венгрии... Богатые деньгами должны помогать бедным, здоровые должны помогать больным работой, а богатые благодатью должны помогать обездоленным своей молитвой.

В этом главная цель моего послания, возлюбленные, чтобы призвать вас к молитве о братьях наших, страдающих за нашу веру. Известно ли вам, что не все русские галичане и угрорусы остаются униатами? Многие, невзирая на все страхи и штрафы, отреклись от униатской ереси и «перешли на благочестие», т. е. приняли Православную веру. Им не давали строить православных церквей, они молились по хатам из наших православных книг, сами крестили детей своих, а для причащения св. Тайн уходили в окрестные страны: или в Россию, или к православным сербам, или к молдаванам... Тогда встрепетали демоны, державшие народ в узах ереси; вострепетали и ксендзы униатские и, не имея силы словом опровергнуть истинную веру, обратились к жандармам и тюремщикам и, сговорившись с ними, начали также истязать новообращенных православных христиан, как истязали наших прадедов, когда здесь была еще Польша, как истязали в далекой древности блаженных мучеников несчастные язычники. Их теперь многократно таскают по судам в самые рабочие дни, бросают в тюрьмы без всякой вины; в тюрьмах их мучают, подвешивают за руки и за ноги к кольцам, вбитым в стену и, не стесняясь, приговаривают: «Это не мы вас мучим, это православная вера вас мучит». Девственниц, которые собрались вместе, чтобы спасать души в посте и молитве, раздели зимой, загоняли в мерзлое озеро, как 40 мучеников севастийских, после чего некоторые скончались. Так мучат наших русских в Венгрии и Австрии среди бела дня в наш просвещенный век. И они все это терпят, прославляя Бога, и никто из этих новых исповедников не изменил святой вере нашей и не возвратился к еретической унии. Но всего ужаснее то, что из шестерых православных священников из Венгрии трое томятся в тюрьме, и из них двое почти полтора года. Паства их, лишенная молитв и проповеди, тщетно умоляет жестоких католических властителей освободить ни в чем не повинных служителей Христовых. Власти и суда над ними не чинят и на свободу не выпускают, а держат их, невинных, в тюрьме, как будто там не просвещенная страна, а черная Арапия или Китай. Об этих-то Божиих священниках, оторванных от паствы и от семейств своих, должны мы, братие, умножить свои молитвы - за иереев Максима и Игнатия, а также иеромонаха Петра, разделяющего с ними тюремное

заключение. Да не приложится к ним слово Писания: «Поражу пастыря и разойдутся овцы стада» ... Итак, в сей день Преображения Господня, когда прадеды наши освободились от польского ига, сподобились вернуться к вере Православной, завещаю пастве своей волынской по всем церквам, где будет совершаться святая литургия, присоединить к ней и молебствие "об избавлении в темнице сущих"»[15].

Судебный процесс о «государственной измене», «шпионстве» против двух православных священников (Сандовича и Гудимы) и двух галицко-русских интеллигентов (Бендасюка и Колдры), который широко известен как «процесс Сандовича-Бендасюка», начался через два с половиной года после ареста – в понедельник 6 марта 1914 г. Почти три месяца он продолжался во Львове и был одним из самых громких в то время.

В качестве улик фигурировали не только отпечатанные в России богослужебные книги, но и художественная литература, в частности, повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», изъятая у студента Колдры. Освещавший процесс корреспондент русской газеты «Новое время» (издавалась в 1868-1917 гг. в Петербурге) язвительно заметил, что на скамье подсудимых оказались «украинские казаки старых времен... сегодняшнее заседание было посвящено разбору классической литературы»[16].

Никто из обвиняемых не признал себя виновным, а в ходе судебных слушаний они настаивали на том, что их деятельность не была враждебной по отношению к Габсбургской монархии. Отрицали они и обвинения в получении денежных субсидий и ценных подарков от российского правительства.

Защита настаивала на появлении в качестве свидетеля волынского архиепископа Антония (Храповицкого). Он был воспитателем, духовником и епархиальным архиереем обвиняемых православных священников. Перед этим Вселенский Константинопольский патриарх назначил его своим экзархом для православных русских в Австро-Венгрии. Владыка заявил письменно суду свою готовность стать свидетелем, но трибунал не принял это предложение святителя[17]. Обер-прокурор Синода В.К. Саблер выразил свое согласие на присутствие архиепископа Антония на суде и обратился за разрешением на подобную поездку к императору, который также согласился с подобной возможностью. Однако министр иностранных дел С.Д. Сазонов высказал мнение, что «при нынешнем положении вещей такая поездка легко могла бы привести к неприятным случайностям, одинаково не желательным как с точки зрения интересов иерарха Русской Православной Церкви, так и с точки зрения наших политических отношений с Австрией», и счел поездку недопустимой[18].

На этот процесс неожиданно явились депутаты IV Государственной Думы разных политических взглядов (Вячеслав Якубович, протоиерей Михаил Митроцкий (1883-1937), Валериан Лашкевич и украинец Павел Макогон Матвеевич). Они, войдя в зал, во время заседания суда публично поклонились до земли сидящим на скамье подсудимых со словами: «Целуем ваши вериги!». Важными были также ходатайство самого российского императора Николая II, архиепископа Антония (Храповицкого), а также замечательная защита адвокатов. Защищали подсудимых доктора права Владимир Дудыкевич, Кирилл Черлюнчакевич, Мариан Глушкевич и Владимир Алексьевич, а также поляк Эмиль Солянский.

Члена Государственной Думы, руководителя Галицко-русского общества графа Владимира Алексеевича Бобринского (1867-1927), готового выступить на суде, судьи не сочли возможным выслушать, поскольку тот недавно уже был обвиняемым на Мармарош-Сигетском процессе. Тем не менее, граф высказал свое отношение к обвинениям, выдвинутым на Львовском процессе. По его словам, само понятие «русофильская партия» не имеет смысла, поскольку «в Галичине среди русских не может быть русофильской партии, ибо русские не могут быть русофилами или русофобами; француз, венгерец, немец может быть русофилом или русофобом; русские же могут быть просто русскими, не великороссами, а просто русскими»[19]. При этом Бобринский вновь вернулся к высказанной уже им мысли о том, что и сами процессы, и общее негативное отношение австрийских и венгерских властей к русофильскому движению в целом, особенно к его массовой, «народной» составляющей, имеют политический характер. Он отметил, что «Австрия сто лет относилась терпимо и даже благосклонно к своим русским подданным... но затем, лет сорок тому назад... стали искусственно и насильственно насаждать украинское мазепинство в самой ужасной его форме - ненависти ко всему православному и всему русскому»[20]. И, по его мнению, именно позиция австрийских властей в «галицком вопросе» существенно осложняет австро-русские отношения.

В присутствии многих зарубежных корреспондентов и большого числа любопытствующих суд выслушал несколько сотен свидетелей, в том числе прихожан священников Игнатия и Максима, многочисленных экспертов по религиозным вопросам, представителей австрийского Генерального штаба. Украинствующие униаты во время процесса прилагали все усилия, чтобы подсудимым, как изменникам «найяснейшего монарха», был вынесен смертный приговор через повешение.

Перед судьями же вырисовалась иная, реальная картина: обвиняемые не виновны в предъявленных им преступлениях, они всего лишь желали открыто исповедовать не греко-католическую, а Православную

веру; в русском и украинском народах, проживавших за границами Австро-Венгерской империи, они видели исключительно своих братьев по вере. Судьям не удалось доказать, что они шпионили по заданию России. Нарочито смехотворные доказательства серьезных обвинений не могли стать основой для иного вердикта присяжных.

6 июня 1914 г. суд присяжных в составе 9 поляков и 2 евреев единогласно признал подсудимых невиновными, подчеркнув, что они не занимались политикой, а их деятельность не преследовала цель изменения государственных границ Австро-Венгрии. Присяжные заседатели, оправдывая подсудимых, совершали довольно смелый поступок, так как председательствующий судья в своей напутственной речи заседателям, очевидно, по указанию свыше, не скрывал надежды на то, что будет вынесен обвинительный приговор. Освобождение всех обвиняемых причинило большое огорчение и самостийникам.

Интересно, что лидер украинского движения Левицкий в своих воспоминаниях высказывал убеждение, что процесс был инспирирован польской администрацией для того, чтобы доказать свою непричастность к русофильской пропаганде[21]. Подобные соображения высказывал и посол России в Вене Н.Н. Шебеко, отметивший, что «самый вердикт присяжных (по 20 пунктам обвинения он был единогласным оправданием, а по 4 из 10 голосов 8 высказались за оправдание) многими объясняется как сознательный политический маневр присяжных заседателей-поляков: вердикт этот будто бы главным образом основан на расчете, что оправдательный приговор наносит удар слишком усилившемуся в последние годы мазепинству и, усилив русскую партию, служит службу полякам, закрепив раскол среди галичан. Он равным образом будто бы послужит на пользу полякам в пределах России». Шебеко при этом подчеркивал, что весь процесс носил явный политический характер, и «поэтому неудивительно, что все участвовавшие в нем элементы, начиная с коронных судебных властей и кончая присяжными, испытывали на себе влияние политических и национальных интересов». Оценивая возможные последствия оправдательного приговора, посол отмечал также, что «приговор не успел снять с обвиняемых всякое подозрение в глазах общественного мнения Австрии. Здесь невольно чувствуют, что за закономерным стремлением к культурному сближению с Россией - какового они нисколько не скрывают - у галичан таится глубокое тяготение к России, которое не может рано или поздно не вылиться в политическое сближение»[20].

Повторный арест и заключение в концлагере Талергоф

Выйдя из тюрьмы 7 июня 1914 г., священник Игнатий Гудима возвратился в родные Дитковцы к семье. Но на свободе он пробыл недолго.

1 августа началась Первая мировая война. Снова начались аресты людей, подозреваемых в пророссийских симпатиях, а также массовые репрессии православных верующих[23].

Священник Игнатий Гудима вновь был арестован в августе 1914 г., заключен в тюрьму в Бродах, из которой освобожден русскими войсками. После их отступления он не ушел с беженцами, а вместе с рядом других жителей Бродовского уезда, подозревавшихся в русофильских симпатиях, был арестован в очередной раз и приговорен к смертной казни. Чудом он избежал исполнения приговора на висельнице. Когда отца Игнатия в рясе и крестом на груди в группе арестованных галицкорусских крестьян жандармы проводили через Львов, то толпа националистов начала кричать: «Зрадники!» Фанатически настроенные лица с палками и камнями набросились на православного священника. От тяжелых побоев отец Игнатий потерял сознание и упал на мостовую. От смерти его спасло лишь то, что на него упал избитый крестьянин и своим телом прикрыл лежавшего в крови священника. Озверелая толпа, думая, что отец Игнатий убит, бросила его лежать на улице. Полицейская карета отвезла его в городской морг. Там при осмотре отец Игнатий обнаружил признаки жизни. Страдалец был перевезен в больницу, в которой были подлечены его тяжелые раны[24]. Гонители не пожалели его, больного и израненного, и отец Игнатий был заключен в Вейнберге в Нижней Австрии.

В мае 1915 г. отец Игнатий был отправлен в австрийский концентрационный лагерь для интернированных русинов - Талергоф[25], расположенный в одной из альпийских долин возле Граца, главного города провинции Штирия. В дневнике студента Феофила Курилло сохранилась запись о его прибытии: «30 мая. Воскресенье. Утром прибыла новая партия интернированных, числом 500 человек, из разных городов. Среди них православный священник Гудима из Вейнберга и несколько крестьян из Грибовского и других уездов. Их разместили частью в трех карантинных бараках, частью в бараках №№ 31, 32 и 33. Пелагея Сандович распрашивает о. Гудиму про его жену. До 28 мая интернированных в Талергофском лагере насчитывалось 5 164 человека»[26].

Священник Игнатий ходил со всеми на работы, держал себя твёрдо и мужественно, пытался еще учить французский язык[27], занимался художественными работами, принимал участие в православном богослужении в лагерной православной часовне для узников-буковинцев, которую устроил вместе с активным русинским деятелем из Покутья Юлианом Николаевнчем Киселевским и его братом - священником[28]. Как и другим интернированным там русинам, никаких официальных обвинений священнику Игнатию предъявлено не было. Отец Игнатий

Гудима был в числе заключенных, которых подвергли пытке-наказанию в виде «подвешивания» за указание при перекличке своей русской (Russen) национальности[29]. Там же, в Талергофе, умер 10 марта 1917 г. отец свящ. Игнатия, 70-летний псаломщик Филипп, арестованный в 1914 г.[30]

Из талергофского лагеря немцы отдали отца Игнатия своему протестантскому (согласно другим сведениям, католическому) пастору, который поручил православному священнослужителю рубить дрова. Больной отец Игнатий несколько лет тяжело трудился чернорабочим за одно пропитание у Йогана Куеиса в Гросс-Стелрендорфе недалеко от известного Геллерсдорфа (Hellersdorf). Супруга отца Игнатия матушка Александра с маленьким ребенком ушла вместе с русскими войсками при их отступлении из Галиции и проживала в России. Однако грозные революционные потрясения и гражданская война в России не пощадили многострадальной семьи священника[31].

Последние подвижнические годы жизни: юродство о Господе и мученическая кончина

Последние годы жизни отца Игнатия Гудимы прошли в редком и чрезвычайно трудном подвиге юродства[32].

Односельчанин и школьный друг Игнатия Гудимы Василий Дикий, узнав о его страдальческом положении, перевез его в родное село Дитковцы, где он проживал до смерти. Там отец Игнатий поселился в родительской старой, полуразрушенной хате, жил как нищий отшельник и как местный юродивый Христа ради[33]. Большую часть времени отец Игнатий Гудима проводил в горячей молитве, читал Псалтирь, иногда играл на скрипке. Питался редко и тем, что приносили ему милосердные крестьяне, спал на твердой лавке и на камне под головой, плохо одевался. От непомерных подвигов он часто терял сознание, болел так, что не имел даже сил подняться со своего твердого ложа. Несколько раз его находили полумертвым[34].

Светские друзья отца Игнатия, не понимая смысла духовных подвигов своего наставника, полагали, что у него под влиянием физических и нравственных мучений развилось тяжёлое психическое заболевание. По их мнению, душевная болезнь в результате перенесенных потрясений, избиений и страданий полностью вырвала иерея Игнатия Гудиму из общественной жизни. Друзья отца Игнатия помогали ему, как могли, в Северной Америке печатались воззвания о помощи страдальцу и собирались средства для его лечения[35].

При этом в 1920-е гг. и позднее имя о. И. Гудимы нередко упоминалось участниками русского движения Галичины как мученика за Православие и борца за русскую идею[36]. Например, во втором выпуске «Талергофского альманаха» о нем говорится следующее:

«Священник Игнатій Гудима, сынъ дьяка Филиппа изъ Дытковецъ Бродскаго уѣзда. Голова у него тяжела, но не отъ похмѣлья, а отъ горя и кручины[37]; онъ сдѣлалъ ненужный далекій путь, сидѣлъ два года въ тюрьмѣ у Львовѣ, побывалъ въ Талергофѣ, спалъ въ одномъ рваномъ рубищѣ въ погребѣ католическаго патера, ѣлъ картофель, рубилъ дрова и вернулся въ родную страну, каясь: грѣшенъ я, душу спасать надо»[38].

По имеющимся сведениям, отец Игнатий Гудима был расстрелян гитлеровцами во время оккупации ими Галичины. Погребен отец Игнатий на кладбище возле деревянного Михайловского храма в центре родного села. Его могила с надписью «Отец ИГНАТИЙ ГУДИМА. Борец за воссоединение галичан с Русской Православной Церковью, узник австрийских тюрем и концлагеря Талергоф. Убит в 1944 на 62 году жизни немецкими фашистами в родном селе Дитковцах»[39] находится с северной стороны храма. На родной земле о. Игнатий обрел упокоение своего тела, а его душа наследовала вечное блаженство во Господе, которому он верно служил и был верен всю свою страдальческую жизнь.

Значение служения отца Игнатия Гудимы

«Раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его» (Ин.13.16), - предупредил всех Своих последователей Господь наш Иисус Христос. Такие же книжники и фарисеи, как те, что гнали Христа двадцать веков назад, с той же яростью всегда преследовали и сегодня с той же жестокостью готовы гнать истинных посланников Христовых.

По слову апостола Павла, «Все по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9, 23), отец Игнатий совершил великий подвиг пастырского служения среди родных ему галичан, духовного очищения их от измены Православию.

Мученическая смерть отца Игнатия - очевидная победа веры и его духа, ибо гонители «воинов Божиих и Христовых не убивают, а увенчивают», - сказал священномученик Киприан Карфагенский (Послание 66). Он пострадал и умер на земле ради вечной жизни с Христом и ныне прославлен Богом в небесных обителях покоя и радости!

Исповеднический подвиг смиренного, кроткого раба Божьего и верного Христова священнослужителя Игнатия Гудимы свидетельствует о том, что в Галицкой Руси всегда были, есть и будут верные последователи галицко-волынского подвижника XIII в. святителя Петра, бывшего игумена Ратненского - труженника единства Руси и Русской Православной Церкви, духовного строителя Дома Богородицы на Руси и послушника Богоматери по созиданию духовного центра Руси - града Москвы, как третьего Рима, «удерживающего» мир на многие столетия от растления!

Наша священная обязанность - сохранить память об отце Игнатии и других страдальцах за Святое Православие на Галицкой Руси, донести историю об их подвиге до сознания грядущих поколений. Будем с благодарностью вспоминать тех, кто сохранил нашу веру, распространять свидетельства об их служении и обращаться с молитвенной поддержкой к Богу о тех, кто находится на передовой духовной брани на пограничье Западной Руси.

Учитывая, что ситуация в религиозной жизни на Западной Украине по-прежнему напряженная, знание жизненного пути и служения подвижников Православия, защищавших Православную Веру и Святую Русь от нападений униатов, очень кстати для укрепления духа православных галичан нашего времени. Также не будет лишним знать и о настоящем лице политиканствующих униатов, у которых вражда к Православию и принадлежность к папскому Риму ставится выше веры Христовой, и истинные причины возникновения нездорового национализма в нашей Украине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Решением Священного Синода Польской Православной Церкви от 7 июля 1994 г. священномученик Максим Сандович был причислен к лику святых. В святцах Польской Православной Церкви - священномученик Максим Горлицкий (*Память 24 августа/6 сентября*). URL: http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41000.htm (дата обращения: 10.09.2011).

2. Ныне Бродовский район Львовской области, Украина (укр. Діткі́вці у складі Гаївської сільської ради).

3. Михаил Алексеевич Качковский (9 июля 1802, село Дубно Ланьцутского уезда - 20 августа 1872, Кронштадт) - галицко-русский общественный деятель и меценат, публицист, юрист. Михаил Качковский, будучи неженатым, во всём себе отказывал и копил из своего небольшого жалованья средства на общественные нужды. В 1861 г. М. Качковский основал во Львове газету «Слово», первую независимую большую политическую русскую газету в Галиции, которая служила органом старорусской партии и просуществовала до 1887 г.; редактором её он избрал Богдана Дедицкого, который, благодаря поддержке Качковского, получил возможность стать первым в Галиции русским профессиональным журналистом. Михаил Качковский считал малорусский народ частью триединого русского народа. Всё своё состояние, 80 000 гульденов (около 60 000 рублей), Михаил Качковский завещал на народные цели. На эти средства и в память заслуг Михаила Качковского в 1874 г. по инициативе протоиерея Иоанна Наумовича было основано в Галиции «Общество имени Михаила Качковского», имевшее своей задачей просвещение и поднятие уровня экономического благосостояния русинов путём распространения знаний, издания народных книг, устройства по городам и селам бесплатных народных читален, учреждения обществ трезвости, приютов и бурс для беднейших рус-

ских учеников, общественных хлебных складов, ссудных и сберегательных касс, экономических выставок и народных чтений.

4. Русин - самоназвание населения Древней Руси. Сам этноним «русин» - производное от слова Русь. Он упоминается в литературных памятниках с X в. (в частности, в текстах договоров с греками князя Олега (912 г.) семь раз, князя Игоря (945 г.) - шесть, в «Русской правде»). Долгое время данный этноним сохранялся на всей территории, входившей в состав Древнерусского государства. Тверской купец Афанасий Никитин писал в «Хождении за три моря» (XV в.): «А в том в Чюнере хан у меня взял жеребца, а уведал, что яз не бесерменянин – русин».

К середине XIX в. этноним «русин» оставался широко распространенным в качестве самоназвания населения Карпатской Руси (Галичина, Буковина, Угорская Русь), чьи земли находились под владением Австро-Венгрии, а также населения севера Бессарабии и Холмщины. Австро-венгерские власти называли своих русских подданных русины, рутены (нем. Russinen, Rutnenen), в отличие от русских (российских подданных). Сами русины называли себя в единственном числе русин, а во множественном числе - русскими, веру свою - русскою, свой народ и язык - русскими. В свою очередь русины подразделялись на ряд этнокультурных групп: бойки, лемки, подоляне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне и др. Второй этноним населения Карпатской Руси - руснак. Население Карпатской Руси издавна проживало в соседстве с католиками-поляками. Само слово «руснак» возникло как противопоставление этнониму «поляк». Подробнее см.: *Суляк С.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк Кишинев, 2007. № 4 (10). С. 29-30. См. примечание 1 к статье кандидата исторических наук, президента Общественной ассоциации «Русь» Сергея Суляка «Талергоф и Терезин: забытый геноцид». URL: http://www.ukrstor.com/ukrstor/suleak-talergof-terezin.html (дата обращения 10.09.2011).

5. В статье «Гудима, Игнатий Филиппович» Википедии утверждается, что он поступил в Житомирскую духовную семинарию, где близко познакомился со своим земляком Максимом Сандовичем. Возможно, более достоверными являются данные брошюры В.П. Гладика «Мученик за Православие и русские идеалы на Галицкой Руси о. Игнатий Гудима» (Philadelphia, Pa, 1943. - 15 с.), автор которой был ровесником отца Игнатия и лично знаком со многими его друзьями.

6. *Гладик В.П.* Мученик за Православие и русские идеалы на Галицкой Руси о. Игнатий Гудима. Издание Просветительского фонда им. прот. Иоанна Наумовича в Америке по благословению Высокопреосвященнейшего Феофила, митрополита всея Америки и Канады. Philadelphia, Pa, 1943. С. 7.

7. В «Алфавитном указателе жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914 - 1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. Третья, значительно пополненная редакция. (Посвящается 50-летней годовщине Талергофской трагедии Прикарпатской Руси)», составленном Р. Д. Мировичем и изданном во Львове в 1971 г., указывается, что матушка отца Игнатия была из воспитанниц женского монастыря в Лесной. См.: URL: http://www.talergof.org.ua/

alfavitnyi_ukazatel1-g.html (дата обращения: 10.09.2011). Это указание следует признать более достоверным, так как Леснинский Богородицкий монастырь с момента его учреждения был призван путём воспитания девочек содействовать упрочению Православия среди «упорствующих» униатов, чуждающихся Православия. При монастыре действовала школа-приют с 4-годичным курсом. Перед Первой мировой войной в обители находилось около 500 монашествующих и более 600 учащихся.См.: URL: http://www.monasterelesna.org/oMonastyre.htm (дата обращения: 10.09.2011).

8. *Гладик В.П.* Указ. соч. С. 9.

9. Священномученик Максим Сандович, называемый Горлицким, родился 19/31 января 1886 г. в селе Ждынь в Подкарпатье в семье лемков-униатов. После четырех лет учебы в гимназии Максим провел три месяца в василианском монастыре в Крехове, но его атмосфера оказалась чуждой для молодого человека. Он разочаровался в увиденной в монастыре духовной жизни. Продолжая духовные искания, в 1904 г. он оставил монастырь и поступил послушником в известную своими богатыми духовными традициями и святынями Почаевскую лавру. Этот монастырь находился недалеко от австро-венгерской границы на российской стороне. Около года Максим пробыл послушником в Почаевской лавре. Во время одного из своих пастырских посещений епископ Житомирский и Волынский Антоний (Храповицкий) обратил внимание на молодого и способного послушника. В награду за образцовое поведение он направил его для дальнейшего обучения в Волынскую духовную семинарию в Житомире. Учеба в семинарии продолжалась шесть лет. После ее окончания с наилучшими результатами в 1911 г. Максим женился на дочери сельского священника Пелагее Григорук. 17 ноября 1911 г. Максим был рукоположен в священники тогда уже архиепископом Антонием (Храповицким). Владыка предложил молодому священнику трудиться на пастырской ниве в Киевской епархии, однако отец Максим твердо решил вернуться на родину, в край лемков, среди которых росло и ширилось движение за возвращение из унии в Православие. Он посвящает себя тяжелой миссионерской работе среди столь близкого ему народа. Сразу же после начала Первой мировой войны, 4 августа, отец Максим был арестован. Были конфискованы все его богослужебные книги и книги на русском, украинском и польском языках и даже православные иконы, привезенные им когда-то из Житомира. В окружении жандармов, избитого, его повели в тюрьму в Горлицы. На следующий день австрийские жандармы арестовали его близких: беременную жену Пелагию, отца Тимофея - псаломщика, брата Николая и других членов семьи. 6 сентября 1914 г. без суда и следствия австрийская военная команда под предводительством ротмистра Дитриха расстреляла отца Максима во дворе тюрьмы города Горлицы на глазах его беременной жены, отца и односельчан. Последними словами Максима Сандовича были: «Да живёт Святое Православие! Да живёт Святая Русь!».

К сожалению, имя священномученика Максима (Сандовича) отсутствует в наших святцах в день его мученичества, и только благодаря архиепископу Львовскому Августину празднуется лишь в третье воскресенье по Пятидесятнице в Соборе Галицких святых - местном праздновании Львовской епархии Украинской Православной Церкви. Решение о праздновании Собора Галицких

святых в Львовской епархии было принято по предложению митрополита Киевского и всея Украины Владимира 3 апреля 2001 г. на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви.

10. Военные преступления Габсбургской монархии. Галицкая Голгофа, Талергофский альманах. Львов, 1924, Типогр. Ставропигийского института. Приложение (на галицко-русском наречии). URL: http://galich.org/5/5.htm (дата обращения: 10.09.2011).

11. Так называлась ранняя (начала XX в.) конструкция проектора, дающая увеличенное изображение со стеклянного диапозитива.

12. Бендасюк Семен Юрьевич (1877-1965, Львов), публицист, историк, журналист, православный общественный деятель. Родился в крестьянской семье в Галиции (Австро-Венгрия). Закончил гимназию в Коломые и юридический факультет Львовского университета. В марте 1912 г. за участие в подготовке журнала для православных галичан вместе со священниками сщмч. Максимом Сандовичем и Игнатием Гудимой, студентом В. А. Колдрой арестован австрийскими властями по обвинению в государственной измене. Судебный процесс, получивший известность как «процесс Сандовича-Бендасюка», происходил на волне массовых государственных репрессий против тех, кто в Галиции исповедовал Православие и идею общеславянского национально-культурного единства. После 2 лет и 3 месяцев тюремного заключения Бендасюк и его товарищи были отпущены на свободу.

В июле 1914 г., накануне Первой мировой войны, Бендасюк уехал в Россию и тем самым избежал повторного ареста, жил в Ростове-на-Дону, после установления советской власти эмигрировал в США, где был главным редактором газеты «Прикарпатская Русь». В 1927 г. вернулся во Львов (в то время территория Польши, с 1939 г. - СССР), работал в архиве Ставропигийного института (научный центр галицко-русинского движения, закрыт в 1939 г.), активно сотрудничал с Львовским православным братством (с 1936 г. - член правления) и его печатным органом журналом «Воскресение» (№ 1 вышел 15 мая 1928 г.). С июня 1945 г. был старостой львовского православного храма во имя вмч. Георгия Победоносца. Похоронен на львовском Лычаковском кладбище. (Статья *Фролова* К.А. в «Православной Богословской Энциклопедии». Т. 4. С. 594. URL: http://www.pravenc.ru/text/78014.html (дата обращения: 10.09.2011)).

13. *Гладик В. П.* Указ. соч. С. 10.

14. *Фролов К.А.* Русские Карпаты – Terra Incognita Православного мира. URL: http://www.pravoslavie.ru/archiv/ruskarpaty.htm (дата обращения: 10.09.2011).

15. Цит. по: *Фролов К.А.* Указ. соч. URL: http://www.pravoslavie.ru/archiv/ruskarpaty.htm (дата обращения: 10.09.2011).

16. Военные преступления Габсбургской монархии. Галицкая Голгофа, Талергофский альманах. Львов, 1924. URL: http://galich.org/5/5.htm (дата обращения. 10.09.20011).

17. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение» и его судьба накануне Первой мировой войны. URL: http://www.ukrstor.com/ukrstor/klopova_rudvi.html (дата обращения. 10.09.20011).

18. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение»...

19. Россия. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия II. 10 мая 1914 г. С. 386. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение»...

20. Там же.

21. *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848-1914. На підставі. Львів. 1926. С. 99. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение».

22. Н.Н. Шебеко - С.Д. Сазонову. 2/15 июня 1914 г. //АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 116. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение»...

23. Всего за время русинского геноцида было уничтожено 120 тыс. человек (!). Среди них – около 300 униатских священников, только заподозренных в симпатиях к Православию. Казнены, нередко без суда или же по решению военных судов, десятки «руських» крестьян, заподозренных в шпионаже, а на деле просто посещавших читальни общества им. Качковского, голосовавших за кандидатов от Русско-народной партии или же просто носивших православный нательный крестик. Более 100 тыс. галичан ушли в Россию вместе с отступавшей русской армией летом 1915 г. Эти сведения приводит польский депутат Венского парламента А. Дашинский (все русские депутаты этого парламента были расстреляны) («Временник», Львов, 1938 г.). В результате тотального геноцида русинов к 1931 г. их процентный вес во Львове сократился почти вдвое. И все же, несмотря на такого рода искусственный отбор русофобского населения Галиции, идею русскости уничтожить не удалось. См.: *Скворцов Д.* Эх, были люди!.. 750-летию столицы Галицкой Руси посвящается. URL: http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=1315 (дата обращения: 10.09.2011).

24. Талергофский альманах: пропамятная книга австрийских жестокостей и насилий над карпаторусским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг. Вып. 1-4. Львов: Издание Талергофского комитета, 1924-1932. Вып. 3. Талергоф. Ч. 1. Изданіе Талергофскаго Комитета. Типографія Ставропигійскаго института подъ управленіемъ Мирона Мацака. Львов, 1930. С. 134.

25. Талергофский концентрационный лагерь в песчаной долине у подножья Альп, недалеко от Граца, сделался с 4 сентября 1914 г. до 10 мая 1917 г. местом истребления русинов. Чего не смог сделать австро-венгерский штык, довершили тиф и холера, холод и голод. Был случай, когда 11 человек, заключенных в лагерь, как значится в похоронном дневнике, «загрызли вши». Свыше 3000 сынов и дочерей Галицкой и Буковинской Руси погибли в Талергофе. А около 20 тыс. заключенных, оставшихся в живых, покинули лагерь калеками, больными, избитыми. Один из историков Талергофа писал: «Будущий историк Галицкой Руси соберет все ее слезы и как бриллиантами украсит терновый венок ее мученичества... Люди гибли за победу русской правды, за русское сердце, слово и знамя, за русскую песню и читальню, за русскую землю, за свободу, за освобождение прикарпатских народов от национального гнета и порабощения». *Гагарин А.П.* Из истории идеологической борьбы в Западной Украине. Советская наука. 1940. № 6. С. 3-16. Цит. по: Библиография к «Терезин и Талергоф» В.В. Ваврика. Составитель Р.Д. Мирович. URL: http://ukrstor.com/talergof/liter.html (дата обращения: 10.09.2011); *Світлинскій Богдан*. Австро-Угорщина і Талергоф (в 25-літіе всемірної войны) (на галицко-русском наречии). URL: http://www.ukrstor.com/ukrstor/switlinskij_awstrougorscina.

html#glaw_14 (дата обращения: 10.09.2011). См. также: «Альбом снимков из концентрационного лагеря для военно-арестованных русских галичан и буковинцев в Талергофе, в Штирии (1914-1917). Издание Талергофского комитета. Львов, 1923, Типография Ставропигиального института под управлением Ю.И. Сидорака. URL: http://galich.org/6/6.htm (дата обращения: 10.09.2011).

26. *Курилло Феофил Васильевич*. Дневникъ лемка изъ Талергофа (съ 14-го сентября 1914 г. по 22-ое августа 1915 г.). URL: http://www.zaistinu.ru/ukraine/church/almanah3-x.htm#almanah3_zhisn (дата обращения: 10.09.2011).

27. Запись в дневнике Курилло Ф.В.: «13. авг. - Пятница. ... Напротив меня поместился о. Игнатий Гудима и учится усердно французскому языку». // *Курилло Ф.* Указ. соч. URL: http://www.zaistinu.ru/ukraine/church/almanah3-x.htm#almanah3_zhisn (дата обращения: 10.09.2011).

28. Юлиан Николаевнч Киселевский (†1928 г.) под № 543 в труде: *Ваврик В.Р.* Члены Ставропигіона за 350 лѣтъ. (1586-1936). URL: http://www.stavropigion.lviv.ua/vavrik-brat4iki.html (дата обращения: 10.09.2011).

«Буковинские православные служили себе в своей миловидной (особенно внутри) часовне все богослужения, кроме св. Литургии, ибо все их старания получить от своего архиерея из Черновиц все нужное к служению св. Литургии, кончились ничем. Чтобы могли иногда буковинские православные причащаться, привозил им из Граца (кажется, из сербской церкви о. Прелич) освященные дары сюда в Талергоф и передавал их о. Киселевскому, а он сохранял их в кивоте на престоле». // См.: Талергофский альманах. Вып. 4. С. 118. http://www.zaistinu.ru/ukraine/church/almanah4-x.htm (дата обращения: 10.09.2011).

29. Статья «Гудима Игнатий Филиппович» из Википедии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%F3%E4%E8%EC%E0,_%C8%E3%ED%E0%F2%E8%E9_%D4%E8%EB%E8%EF%EF%EE%E2%E8%F7 (дата обращения: 10.09.2011).

30. Могила № 1619, ТА П, 14, 108. Офиц. спис. *Мирович Р.Д.* (составитель). Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914 - 1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. 3-я, значительно пополненная редакция. Посвящается 50-летней годовщине Талергофской трагедии Прикарпатской Руси. Львов, 1971 г. URL: http://www.talergof.org.ua/alfavitnyi_ukazatel1-g.html (дата обращения: 10.09.2011).

31. *Гладик В.П.* Указ. соч. С. 12-13.

32. Юродство - это особая форма пророческого служения, соединенная с крайней аскезой. Оно считается в церкви самым трудным подвигом святости, и потому на Руси только юродивым дозволено всегда говорить суровую правду в глаза всем, даже царям. Юродивые – это святые, достигшие святости через изображение внешнего безумия. Во имя достижения смирения и внутреннего света юродивые отказывались от всего: от имущества, семьи, дома, истязали себя холодом, голодом, ношением тяжелых цепей. Отказавшихся даже от употребления разума святых-юродивых принято называть блаженными. Подвиг юродства специфически православный, римо-католики, униаты и протестанты не знают подобной формы подвижничества.

33. *Гладик В.П.* Указ. соч. С. 14.

34. *Гладик В.П.* Указ. соч С. 14.

35. Там же. С. 12-13.

36. Величие подвига отца Игнатия Гудимы замечательно описал в своих сочинениях его земляк галицко-русский (русинский) писатель-поэт, литературовед, историк, исследователь фольклора и один из наиболее ярких представителей галицко-русского движения в XX в. Василий Романович Ваврик (1889-1970).

Библиография публикаций об отце И. Гудиме и указатель архивных документов о нем собраны Р.Д. Мировичем и опубликованы в «Алфавитном указателе жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. Третья, значительно пополненная редакция. Посвящается 50-летней годовщине Талергофской трагедии Прикарпатской Руси. (Составил Р.Д. Мирович. Львов, 1971 г.)» под № 1939 (Рел. 4/8. 1914. № 477/пр. ЦГИА 1. С. 138, 155, 204 (С. 1331). ТА 1, 139; П, 13, 14, 20, 32, 57, 105, 108, 109; Ш, 90, 134; 1У, 116, 118. Ваврик. Талергоф. С. 19, 51. Обвинительный акт по делу Бендасюка и тов. (Приложение к «Прикарпатской Руси» № 1294 за 1914 год. «Прикарпатская Русь» за 17/8. 1914. № 2.). *Ваврик В.Р.*: За что судили 25 лет тому назад? (В газ. «Русский Голос». 1939. № 125 и следующие очерки *Ваврика В.Р.*: Отец Игнатий (в Календаре общества им. М. Качковского на 1935 г., с. 175-195); о. Игнатий Гудима (в газете «Русский Голос» за 14/3 1927 № 216); Жертва австрийского террора о. Игнатий Гудима (в газете «Русский Голос».1930. № 27); В кольце штыков (в газ. «Русский Голос» 1928 № 280-281); Скрипка о. Игнатия (в газ. «Русский Голос» за 2/12. 1928. № 288); Талергоф. Из рассказа «В водовороте борьбы» (в газ. «Русский Голос» за 18/4 1925 № 117) и «На закате гаснущих дней» (рукоп. записки свящ. П.М. Микулы). URL: http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt (дата обращения: 10.09.2011); *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф (К 50-летней годовщине трагедии Галицко-Русского народа). Изд. протоиерей Р.Н. Самело, 1966 г. URL: http://www.ukrstor.com/talergof/terezin.html (дата обращения: 10.09.2011); *Гладик В.П.* Указ. соч.. С. 12-13.

37. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. Даля, кручина – то, что может крушить нравствено человека: грусть, тоска, печаль, огорчение, горе, длительное душевное страдание, томление.

38. Цит. по: статья «Гудима Игнатий Филиппович» Википедии.

39. *Громик В.* Сайт «Дерев`яні церкви Львівщини» - Бродівський район URL: http://decerkva.org.ua/2brodD.html (дата обращения: 10.09.2011).